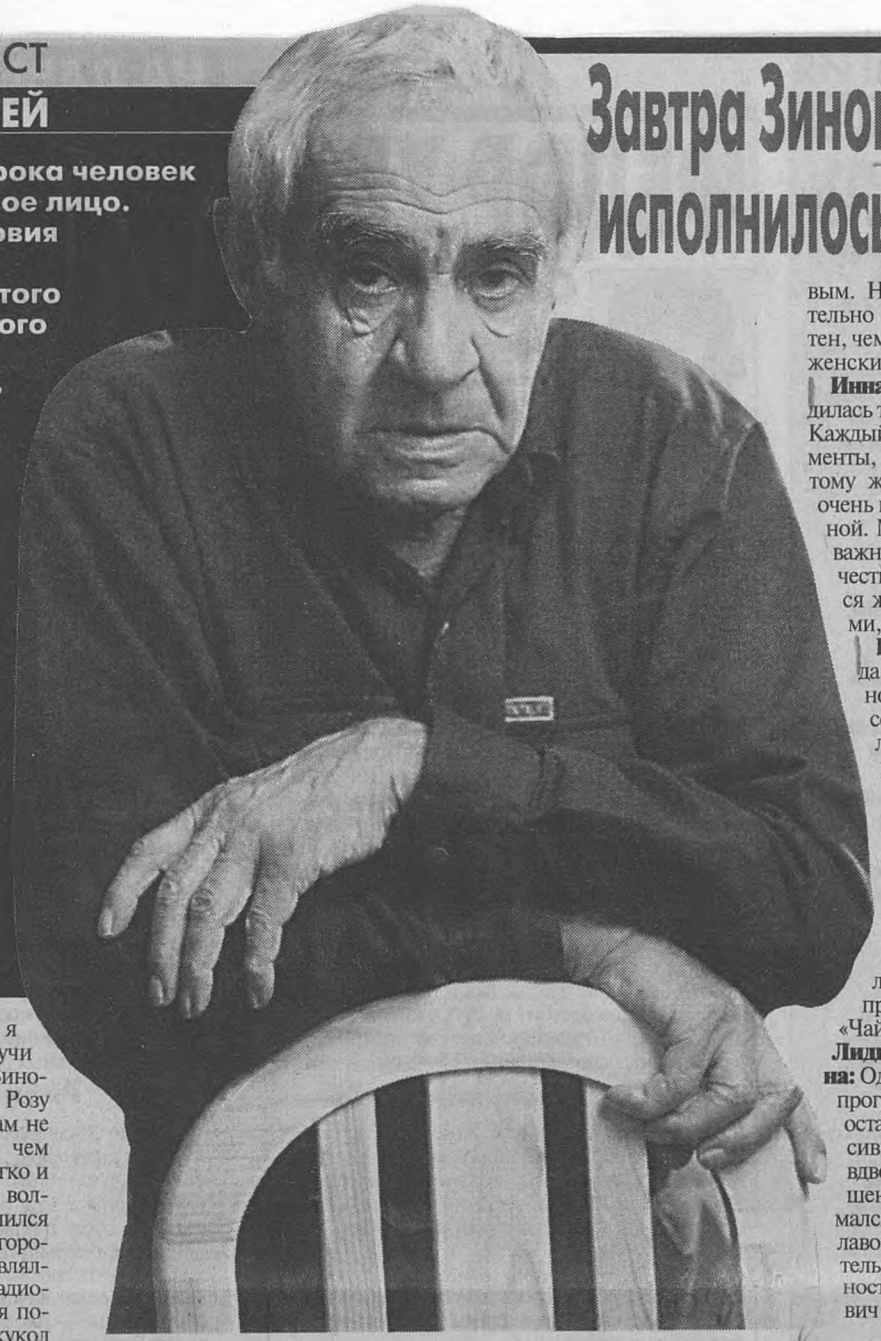
АРТИСТ

ЮБИЛЕЙ

Завтра Зиновию Гердту исполнилось бы 85 лет

Говорят, после сорока человек ответственен за свое лицо. Те, кто видел Зиновия Гердта молодым, вспоминают ушастого закомплексованного мальчишку. Но основная часть зрителей знает «позднего Гердта», когда Зиновий Ефимович (для друзей – Зяма) внес свои коррективы в набросок Господа Бога – ярко выраженное благородство, мудрость и печаль. И еще незабываемый голос – теплый и родной.



НЕ ОБРОНИТЕ МЕНЯ!

Олег Табаков: Его голос я впервые услышал, будучи школьником в Саратове. Зиновий Ефимович пародировал Розу Багланову – по тем временам не менее знаменитую певицу, чем Людмила Зыкина. Он так легко и изящно проделывал это на волнах радиоэфира, что я веселился чрезвычайно. «Ой, Самара-городок, беспокойная я...» – забавлялся он, а вслед за ним и все радиослушатели. Впоследствии я попал на спектакль Театра кукол «Необыкновенный концерт» и удивился, как из обыкновенного шаржа на конферансье он создал живой характер. И в этом характере мог свободно рассуждать обо всем – от проблем апокалипсиса до вопросов получения или отсутствия жилья.

Владимир Конкин: Когда я учился классе в пятом-шестом, мы с папой и мамой, приезжая в Москву, частенько захаживали в Театр кукол. «Необыкновенный концерт» я смотрел, наверное, раз семь! Тогда и заметил удивительного человека, который, выходя на поклон, чуть-чуть возвышался над ширмой. С грустной, иронической, добродушной улыбкой и печальными, как у спаниеля, глазами. Мы встретились в Одессе на фильме «Место встречи изменить нельзя», где Зиновий Ефимович сыграл небольшую роль моего соседа. Я рассказал ему о том, как, будучи ребенком, смотрел «Необыкновенный концерт», и был поражен: он чуть не расплакался!

Петр Тодоровский: Зяма был мастером «малой формы». Одно время он стеснялся своей хромоты, поэтому работал только в Театре кукол. Но однажды его пригласили комментировать замечательный французский фильм «Фанфан-Тюльпан». После этого мало-помалу стали приглашать в качестве закадрового голоса, предлагать небольшие роли... Первая крупная роль была в «Фокуснике», после чего он почти сразу сыграл Паниковского.

Олег Табаков: Мы с Зиновием Ефимовичем вместе озвучивали и комментировали фильм «Если бы Ильф и Петров ехали в трамвае». Часто встречались и в компаниях после спектаклей или съемок. Он был неизменно умен, остроумен и интеллигентен. Я могу вспомнить очень немногих людей, которые одновременно обладали всеми этими тремя достоинствами!

Петр Тодоровский: Он трижды снимался у меня в картинах. В «Фокуснике» вначале я предложил ему эпизодическую роль. Помню, была зима. Я подъехал к Театру Образцова, сильно сомневаясь, что он согласится. Зяма вышел из театра в одном пиджачке, сел ко мне в машину и сказал: «Конечно, я буду сниматься в этой маленькой роли. Но если б ты знал, как мне нравится роль фокусника!» И я подумал: «Почему бы и нет?»

Влади́мир Конкин: Зиновий Ефимович никогда не ранил своими шутками, не шутил обидно, не трунил над внешностью – это было не в его характере. Людям, которые пытаются публично «юморить», стоило бы поучиться такту, деликатности и истинному юмору, каким владел Зиновий Гердт.

С женой Татьяной

Вер. Москва – 2001. – 20 сент. – С. 8.

Елена Коренева: В 1982 году я вышла замуж и собиралась ехать к мужу в Америку. Естественно, что официальное общественное мнение было против меня. Поэтому, сидя в Москве в ожидании визы, я чувствовала себя одиноко. И однажды возле Тишинского рынка встретила Зиновия Ефимовича. Я поздоровалась и побежала дальше, понимая, что он вряд ли захочет со мной разговаривать. А он остановил меня, хлопнул по плечу и воскликнул: «Ну что? Какое приключение в жизни, а? Вот здорово!»

Олег Табаков: Он был удивительно красив, хотя его нельзя было назвать ни Робертом Рэдфордом, ни Рудольфом Валентино, ни даже Вячеславом Тихоновым. Но он всегда был удивительно мужественен и элегантен, чем сильно воздействовал на женский пол.

Инна Чурикова: Я очень гордилась тем, что он меня привечал. Каждый раз говорил мне комплименты, а я каждый раз рдела... К тому же он был, мне кажется, очень привлекательным мужчиной. Мужского рода, что очень важно. Обладал всеми теми качествами, в которые влюбляется женщина, и владел тайнами, которые нам так дороги.

Петр Тодоровский: Когда Зяма, совершенно больной, лежал в больнице, медсестры рядом с ним хохотали, не переставая! Это был удивительный жизнелюб. На последнем творческом вечере его на сцену выносили на руках. Но он собрался с силами, встал, шагнул к рампе и прочитал стихотворение Давида Самойлова. Так же, на руках, его поднимали на третий этаж дома, где проходили съемки передачи «Чай-клуб».

Лидия Федосеева-Шукшина: Однажды я участвовала в его программе. С тех пор у меня остался подарок – очень красивый чайничек. Мне было вдвойне приятно это приглашение, потому что Гердт снимался у Шукшина в «Печках-лавочках». У них была удивительная взаимная привязанность, ведь Зиновий Ефимович был гениальным рассказчиком, а Василий Макарович – гениальным слушателем. Для Шукшина порой было достаточно одной фразы, чтобы написать на ее основе рассказ.

Николай Бурляев: Всего один раз бог дал мне радость партнерства с Зиновием Ефимовичем. Это случилось на фильме «Военно-полевой роман». Он был занят всего в трех сценах, но эти три дня съемок прошли под знаком Гердта. А незадолго до ухода из жизни он подарил мне фото и написал: «Мы нашли друг друга. Не обороните меня, а я-то вас уж точно не оброню!»

Петр Тодоровский: Помню, ехали мы с ним на дачу на его вареном-перевареном «Москвиче». Были, надо сказать, подвыпивши. Вдруг Зяма запел «Очи черные» и стал нажимать на педали в такт мелодии. Машина задергалась и остановилась. И вот мы среди ночи стояли на дороге, ловили машины. Но помочь нам никто не мог, потому что у нас не было троса. Наконец, к пяти утра, окоченевшие, мы поймали полуторку, и та на какой-то веревке дотащила «Москвич» до дачи. А в восемь раздался звонок в дверь: пришел сосед просить прикуриватель, чтобы завести машину. Я открываю багажник и вижу: на самом видном месте лежит новенький чистенький моток троса! Ночью, в темноте, мы его не заметили...

Владимир Конкин: Однажды он меня подвозил. Одновременно вел машину и умудрялся быть внимательным и ко мне, и к двум дамам, сидевшим на заднем сиденье. Удивительно деликатный был человек! Для меня он всегда оставался воплощением актерского и человеческого достоинства. При том, что он был покалечен на фронте и пребывал на положении инвалида...

Петр Тодоровский: Гердт был великим знатоком поэзии. Помню, приехал к нему на дачу и вижу: Зяма сидит во дворе, читает книгу. Я спрашиваю: «Что ты читаешь?» А он смутился и, как будто извиняясь, говорит, что это Пушкин. Пушкин, которого он знал наизусть! У него была потрясающая память. Он мог, один раз прочитав небольшую поэму, воспроизвести ее целиком.

Инна Чурикова: Он не раз читал мне Блока, и делал это бесконечно талантливо и умно. Настоящий аристократ, ведь аристократизм – это чувство равенства со всеми. Он сохранял достоинство и с представителем власти, и с простыми людьми. При том, что многие наши деятели культуры пригибаются перед людьми власти: головка уходит вниз, вырастает горбик...

Петр Тодоровский: Такой был друг... других таких не было и не будет! Он так интересно рассуждал о жизни, что надо было ходить с магнитофоном и все записывать. Постоянно рассказывал мне о фронте, о госпитале... Его рассказы очень пригодились в работе.

Олег Табаков: Я всегда дивился его запасам жизнелюбия, бесконечному юмору. Бывало так, что мы подолгу друг друга смешили. Я нежно любил его и люблю.

Инна Чурикова: Не сочтите за каламбур, но он учил людей прямо и верно ходить. Все его друзья в той или иной степени на него похожи. Да он просто солнышко! Просто очень светлый человек.

Подготовила
Лада ЕРМОЛИНСКАЯ